

Арт Лант

Василиса. Враг внутри.

«Автор»

2026

Лант А.

Василиса. Враг внутри. / А. Лант — «Автор», 2026

Всё начинается с трагедии: в одну страшную ночь вражеский набег и пожар стирают с лица земли привычный и понятный быт маленькой Василисы. В дыму и пламени девочка теряет мать, которая до последнего мгновения прикрывала дочь своим телом. Мир ребёнка рушится, и кажется, что впереди — только тьма. Но даже в самой кромешной тьме есть свет и надежда. Так началась большая дорога — сквозь охваченный неизвестностью мир. Каждый шаг был подвигом, каждое доброе слово — напоминанием, что жизнь не состоит только из боли и страха. Впереди ждут приключения, опасность, знания и сила сокрытая где то в глубине.

© Лант А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Из пламени.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Арт Лант

Василиса. Враг внутри.

Глава 1. Из пламени.

Языки пламени лизали стены избы, взмывали к крыше, бросали багровые отблески на деревья у леса. Огонь уже пожирал стропила, с треском перекидывался с балки на балку, словно голодный зверь, жаждущий всё больше и больше добычи. Дым валил клубами, разъедал глаза, перехватывал дыхание, стелился по полу тяжёлым серым ковром, подбираясь к тому месту, где прятался ребенок.

Маленькая девочка с перепуганными голубыми глазами и светлыми волосами, рассыпавшимися по плечам, сидела, прижавшись к полу за печью — это было единственное место, где ещё не было огня. Тёплая кирпичная кладка печи давала слабое ощущение защиты, будто сама печь пыталась укрыть её от беды. Она чувствовала, как сквозь тонкую рубашку проступает тепло от кирпичей — оно было спасительным, но в то же время пугало: ведь если огонь доберётся сюда, печь раскалится и станет опасной.

Рядом без движения лежала её мать, укрывая дочку своим телом в последние мгновения. Девчушка трясущимися руками теребила рукав её платья, пыталась растормошить:

— Мама... мамочка, проснись! — шептала она сквозь слёзы. — Пойдём отсюда, пожалуйста...

Но женщина не шевелилась. Её лицо было покрыто копотью, а пальцы всё ещё сжимали край юбки чада — до последнего она прятала дочь от огня и дыма. В свете пламени черты матери казались застывшими, неподвижными, и вдруг остро ощутила леденящее чувство одиночества. В груди что-то сжалось, стало трудно дышать не только от дыма, но и от ужаса, от понимания, что матушка не отвечает, не обнимает, не шепчет успокаивающие слова.

Дверь уже обрушилась, перегородив выход грудой пылающих брёвен. Окно, за которым виднелась тёмная ночь, тоже было охвачено огнём — кто-то швырнул факел прямо в раму, и теперь пламя лизало подоконник, подбираясь всё ближе. Девочка закашлялась, прикрыла рот рукавом, но дым всё равно проникал в лёгкие, заставляя задыхаться. От отчаяния и страха она прижала к груди тряпичную куклу — единственную ниточку к прежней, безопасной жизни. Кукла была сшита из лоскутов, с вышитыми глазками и улыбкой, которую бабушка когда-то аккуратно вывела нитками. Она почувствовала, как ткань куклы стала влажной от её слёз.

Вдруг сквозь треск пламени и гул пожара услышала звуки борьбы за стенами избы: лязг мечей, тяжёлые шаги, крики и грозные окрики. Где-то рядом раздавался рёв рога, а в ответ ему — яростные возгласы защитников города. Звуки приближались, становились всё отчётливее, будто сражение медленно смещалось в сторону горящей избы.

Девчушка замерла, прислушиваясь. Ей казалось, что она различает топот копыт, звон кольчуг, глухие удары — будто кто-то выбивал ворота или таранил дверь. Вдалеке слышались женские крики, детский плач, ржание испуганных лошадей. Всё это сливалось в жуткую какофонию, от которой кровь стыла в жилах. Где-то совсем близко раздался пронзительный вопль, оборвавшийся внезапно, — и ребенок зажмурился, стараясь не представлять, что там происходит.

И тут сквозь дым и пламя она увидела силуэт. Высокий воин в кольчуге и шлеме шагнул в избу, не колеблясь, будто сам был сделан из стали и воли. Девочка никогда прежде его не видела — ни на городской площади, ни у ворот, ни среди тех, кто иногда заходил к ним в дом. Незнакомец. В груди ребёнка вспыхнул новый страх: кто он? Враг? Или...

Его доспехи тускло мерцали в багровом свете пожара, шлем с гребнем отбрасывал причудливые, дёргающиеся блики — словно танцующие демоны кружились вокруг его головы. На плече виднелся след от удара — глубокая вмятина в металле, а на рукавице — подпалина, сквозь которую проглядывала обугленная кожа. В руке он сжимал меч, лезвие которого было в царапинах и зазубринах, будто уже не раз встречалось с вражеским оружием. На поясе висели кожаный мешочек с огнивом, небольшой нож в потёртых ножнах и фляга, покрытая копотью и брызгами чего-то тёмного, почти чёрного.

У самого входа в избу лежали трупы. Два тела в простой кожаной броне, ещё одно — в кольчуге, с зажатым в руке топором. Кто-то из них, возможно, пытался добраться до девочки, но не успел. Огонь уже лизал края их одежд, а дым скрывал лица, делая их похожими на безмолвные тени прошлого.

Он заметил девочку сразу — её светлые волосы блеснули в отсвете пламени, как последний проблеск надежды в этом аду.

— Держись! — громко и твёрдо произнёс он. Голос его звучал уверенно, властно, но в нём слышалась усталость, будто он уже спас десятки, а впереди ждали ещё сотни. Ребёнок невольно почувствовал, как страх отступает хотя бы на мгновение. В этом голосе было что-то такое, что заставляло поверить: всё действительно будет хорошо. Но лишь на мгновение.

Ратник огляделся: выхода через дверь и окно не было. Дверь давно обрушилась, перегородив проход грудой пылающих брёвен, которые шипели и трещали, словно злобные духи. Окно превратилось в огненную арку — пламя лизало подоконник, подбираясь всё ближе к печи.

Боец выхватил меч и ударил в стену рядом с печью. Дерево уже тлело, поддавалось легко, с противным хрустом, будто сломанная кость. Образовался неровный проём, сквозь который доносился свежий ночной воздух — но даже он был пропитан гарью и запахом горелой плоти. Девочка уловила ещё один запах — далёкий, едва заметный аромат цветущей сирени, который пробился сквозь гарь и дым. Она глубоко вдохнула — и на секунду ей показалось, что она снова дома, в солнечный день, когда мама собирала цветы для венка. Но тут же её вернул к реальности резкий запах горящей шерсти — это тлела овечья шкура, которую кто-то бережно повесил на стул. — Беги ко мне! — снова крикнул воин, протягивая руку. Его ладонь, в царапинах и ссадинах, казалась огромной и надёжной, но на пальцах виднелись следы ожогов, а кожа была грубой и шершавой, как кора старого дуба. Ребёнок заметил, что на запястье воина был кожаный ремешок с оберегом — маленьким медным медвежонком, потемневшим от времени и копоти. Девочка замерла в нерешительности. Незнакомец... Вдруг он только притворяется, что хочет помочь? В голове пронеслись страшные слухи о мародёрах, которые пользуются хаосом войны, чтобы грабить и похищать. Но огонь уже подбирался ближе — жар обжигал спину, дым разъедал глаза, а кашель разрывал грудь. Она в последний раз взглянула на мать. Сердце разрывалось от боли, но она понимала: мама спасала её не просто так, а чтобы она жила. Ребёнок осторожно высвободился из-под руки матери и бросился к воину. Она споткнулась о какую-то доску, обожгла колено о тлеющую щепку, но спаситель подхватил её на руки, накинуд на голову край своего плаща, чтобы защитить от жара и искр. Плащ пах металлом, кожей, потом и кровью — запахом битвы, смерти и выживания. Но в нём было что-то успокаивающее, будто он хранил в себе силу и стойкость своего хозяина. Девчушка прижалась к его груди, чувствуя, как под кольчугой бьётся сердце — ровно, сильно, неумоимо. Этот ритм словно задавал темп её собственному дыханию, помогая не поддаться панике. — Закрой глаза и прижмись ко мне, — приказал он. — Всё будет хорошо. Он шагнул в пролом. Искры осыпали его доспехи, дым слепил глаза, но ратник шёл уверенно, прикрывая ребёнка своим телом. Девочка слышала, как гулко бьётся его сердце — ровно, сильно, неумоимо. Она вцепилась в его кольчугу, чувствуя под пальцами холодную сталь и тепло человеческого тела. Сквозь шум пожара она уловила ещё один звук — тихое, почти незаметное бормотание: воин шептал какую-то молитву или

старинное напутствие, слова которого она не разобрала, но интонация была спокойной и уверенной, будто он повторял их сотни раз перед лицом смерти.

Шаг за шагом — пока не оказался на свежем воздухе, у края леса. Ветер тут же окутал их прохладой, развеял дым, дал возможность вдохнуть полной грудью. Ребёнок открыл глаза и огляделся.

Вокруг царила гнетущая тишина. Безмолвный лес стоял плотной стеной — тёмные ели с низко опущенными ветвями, корявые берёзы, чьи стволы казались выбеленными пеплом. Ни пения птиц, ни шороха зверей — будто сама природа затаила дыхание после пережитого кошмара. Лишь изредка сухой треск сломанной ветки нарушал эту мёртвую тишину, заставляя девочку вздрагивать.

Позади, в нескольких шагах, догорала изба. От неё осталось лишь пожарище: обугленные брёвна, дымящиеся угли, редкие языки пламени, лижущие почерневшие балки. Искры поднимались в небо и гасли на лету, словно души, покидающие этот мир. Дым, уже не густой и чёрный, а прозрачный и сизый, медленно тянулся над пепелищем, смешиваясь с предрассветной дымкой.

Воздух был пропитан запахом гари — едким, въедливым, неотступным. Он смешивался с прохладной свежестью леса, создавая странный, тревожный контраст: жизнь и смерть, тишина и разрушение, покой и боль.

Звуки боя стали совсем отдалёнными — теперь лишь изредка доносился глухой лязг металла, обрывки криков, затухающий рёв рога. Всё это уходило куда-то вдаль, к окраинам города, оставляя здесь лишь безмолвие и следы катастрофы.

— Где мама? — всхлипнула девчушка, оглядываясь на пожарище. Её голос дрожал, а слёзы катились по щекам, оставляя светлые дорожки на закопчённом лице. Она вцепилась в рукав воина, будто боялась, что и он сейчас исчезнет.

Воин слегка сжал её руку в ответ. Он посмотрел на пепелище, затем — на тёмный лес, потом — на бледнеющее небо, где уже проступали первые признаки рассвета.

— Она была храброй, — тихо произнёс он. — И она хотела, чтобы ты жила. Теперь я буду рядом. Обещаю.

Он осторожно поднял ребёнка на руки и сделал шаг вглубь леса — прочь от пожарища, прочь от смерти, туда, где среди тёмных елей уже пробивались первые лучи рассвета, холодные и бледные, но всё же несущие надежду на новый день.

Девочка дрожала, всё ещё прижимая к груди тряпичную куклу. Воин осторожно опустил её на землю у подножия старой ели, снял плащ и укутал плечи ребёнка.

— Как тебя зовут? — мягко спросил он, присаживаясь на корточки, чтобы оказаться с ней на одном уровне.

— Василиса, — тихо ответила девочка, шмыгнув носом. Её голубые глаза, полные слёз, смотрели на воина с робкой надеждой.

— А я — Кир, — улыбнулся он. — Не бойся, дитя. Я тебя не брошу. Мы отправимся в Царь-град — и там тебя уже ждут.

— Ждут? — удивлённо переспросила Василиса, чуть выпрямившись. — Меня? Но... кто?

— Моя сестра, Елена, — пояснил Кир. — Она знает, что я могу привести кого-то, кто нуждается в помощи. У неё доброе сердце и просторный дом — там тепло, сытно и безопасно. Она давно говорила: «Когда бы ты ни вернулся, брат, помни — в нашем доме всегда найдётся место для того, кому нужна крыша над головой».

Василиса на мгновение замерла, словно боялась поверить в услышанное.

— Правда? — прошептала она. — Там... там не будет огня? И дыма?

— Там не будет ни огня, ни дыма, ни страха, — твёрдо сказал Кир. — Только добрые люди, запах свежего хлеба по утрам, смех детей во дворе и тёплые вечера у очага. Ты сможешь спать спокойно, а я буду рядом — пока ты не почувствуешь себя как дома.

Кир тихо рассмеялся, и этот звук, грубоватый, но добрый, немного успокоил девочку.

— Всё верно, — кивнул он. — Я знаю эти земли как свои пять пальцев — я ведь родом из тех мест, неподалёку от Царь-града вырос. Ходил по этим тропам ещё мальчишкой: собирал ягоды, охотился с отцом, бегал с соседскими ребятами. Я покажу тебе тайные тропы, где ни разбойник не найдёт, ни чудище не достанет. А если и встретится кто недобрый — мой меч и оберег медвежонок нас защитят.

Он коснулся кожаного ремешка на запястье, где висел потемневший медный медвежонок. Василиса осторожно протянула руку и дотронулась до оберега.

— Он волшебный? — прошептала она.

— В нём — память предков, — серьёзно ответил боец. — Они шепчут мне, когда опасность рядом, и дают силу в трудный час. Но главное волшебство — не в обереге, а в сердце. Если сердце не дрогнет перед страхом, то и путь станет легче.

Девчушка задумалась, потом кивнула и крепче прижала куклу к груди.

— Я постараюсь не бояться, — сказала она. — Только... можно я буду идти рядом с тобой? Не на руках, а просто рядом? Я уже большая, мне семь лет!

Защитник улыбнулся и протянул ей руку:

— Конечно. Держись за мою руку — и ни одна беда нас не разлучит.

Они двинулись вглубь леса. Первые лучи рассвета пробивались сквозь кроны деревьев, золотили иней на траве и освещали путь. Кир шёл впереди, внимательно осматривая тропу: примечал следы зверей, прислушивался к шорохам, проверял, нет ли признаков погони. Время от времени он оборачивался, чтобы убедиться, что Василиса идёт следом. Девочка старалась шагать в ногу с ним, иногда спотыкаясь о корни, но упрямо не отпуская его руку.

— А что мы будем делать в Царь-граде? — спросила она спустя некоторое время.

— Сначала пойдём к Елене, — ответил мужчина. — Она накормит нас, даст отдохнуть, поможет привести себя в порядок. Потом я вернусь к своей работе: служить в Ордене, помогать в кузне или даже в порту — я немало ремёсел освоил. А ты... ты будешь учиться. Читать, писать, узнавать о мире. Может, найдём кого-то добрых людей, которые станут тебе семьёй. Но главное — ты будешь в безопасности. Обещаю.

Девочка подняла на него глаза, и впервые за долгое время на её лице появилась робкая улыбка.

— Значит, мне не нужно бояться? — уточнила она.

— Совсем не нужно, — подтвердил ратник. — Нас ждут. Нас примут. И ты больше никогда не останешься одна.

По дороге Кир рассказывал Василисе о столице:

— Видишь ли, там улицы вымощены камнем, а вдоль них растут яблони и груши. Весной всё цветёт, и воздух пахнет так сладко, что голова кружится. На рыночной площади торгуют пряностями, тканями, рыбой и мёдом. А ещё там есть школа для всех детей — сестра говорила, что её соседка как раз ищет учительницу грамоты. Может, ты захочешь туда пойти?

— Хочу! — впервые с момента их встречи ребенок улыбнулся по-настоящему. — А можно я буду помогать Елене? Я умею прясть немного — мама учила...

— Конечно, — кивнул Кир. — В большом доме всегда найдётся дело для умелых рук. И знаешь что? У сестры есть кошка — рыжая, пушистая, с белыми лапками. Она очень ласковая и любит, когда её гладят. Думаю, вы подружитесь.

Василиса тихонько рассмеялась — впервые после всего пережитого. Звук её смеха, тонкий и хрупкий, словно птичья трель, заставил Кира улыбнуться в ответ.

— Смотри, — он указал вперёд. — Лес кончается. Видишь те холмы? За ними начинается дорога на Царь-град. Ещё пару месяцев — и мы будем на месте.

Чадо глубоко вдохнула свежий утренний воздух, расправила плечи и твёрдо пошла рядом со спасителем, всё так же крепко сжимая его руку. В её глазах ещё стояли слёзы, но теперь в них светилась надежда — слабая, но упрямая, как первый луч рассвета над пепелищем.

— Пойдём, — тихо сказала она. — Я готова.

Воин кивнул, сжал её ладонь чуть крепче и повёл вперёд — туда, где за холмами начиналась дорога в славный град, к новой жизни, где её уже ждали с теплом и заботой.

Дорога растянулась перед ними не на один день — она стала их жизнью на долгие недели.

Сначала лес всё никак не хотел отпускать: он цеплялся за подол Василисиного платья сухими ветками, царапал сапоги Кира корнями, выныривавшими из земли, будто живые когти. Тропа то сужалась до узкой полоски, где приходилось идти друг за другом, то пропадала совсем, растворяясь в зарослях папоротника и высокой травы. В такие моменты воин останавливался, прищуривался, водил взглядом по земле, по сломанным веточкам, по примятой листве — искал следы, оставленные теми, кто ходил здесь до них. Василиса стояла рядом, крепко прижимая к груди тряпичную куклу, и старалась дышать ровно, чтобы не выдать, как сильно дрожат колени. Иногда она поднимала глаза на спутника — и одного его спокойного, чуть усталого взгляда хватало, чтобы страх отступал хоть на шаг.

Дни складывались в недели, и лес понемногу менялся. Густые ельники сменялись берёзовыми рощами, где стволы белели, как кости в сумерках, а потом шли дубравы — тяжёлые, тёмные, полные шорохов и чужих взглядов из чащи. По ночам воздух становился ледяным, пробирался под плащ, заставлял ёжиться и жаться друг к другу. Мужчина разжигал костёр — небольшой, осторожный, чтобы пламя не выдало их в темноте, — и сажал девочку поближе к огню, укутывал в свой плащ, а сам садился чуть поодаль, положив руку на рукоять меча. Он почти не спал: прислушивался к каждому звуку, к треску ветки, к далёкому вою волка, к шороху в кустах. А Василиса, согревшись, засыпала, и во сне её лицо становилось совсем детским, беззащитным, и тогда он смотрел на ребенка и тихо шептал старую молитву — ту самую, которую шептал ещё его отец перед долгой дорогой.

По утрам лес был особенно красив — и особенно страшен. Туман стелился по земле, как серое молоко, скрывая корни и ямы, и каждый шаг приходилось делать на ощупь. Роса покрывала всё вокруг — траву, листья, даже доспехи, — и когда солнце наконец пробивалось сквозь кроны, капли вспыхивали, словно россыпь драгоценных камней. Но красота эта была холодной, равнодушной, будто лес не замечал ни их усталости, ни их страха.

Потом лес начал редеть, и однажды утром они вышли на опушку — и перед ними открылась степь. Она лежала, как огромное серое море, уходящее за горизонт, и ветер гулял по ней, гнал волны высокой травы, заставлял звенеть сухие колоски. Здесь уже не было деревьев, за которыми можно спрятаться, не было тени, спасающей от солнца. Днём степь обжигала жарой, а ночью пробирала холодом до костей. Кир теперь шёл ещё внимательнее, чаще останавливался, прислушивался не только к земле, но и к воздуху — степь умела прятать опасность в ветре.

Они встречали на пути других путников — редких, усталых, молчаливых. Кто-то ехал на телеге, гружённой мешками, кто-то гнал перед собой овец, кто-то брёл пешком, опустив голову, будто хотел спрятаться от самого неба. Иногда незнакомые люди кивали им, иногда отводили взгляд, а однажды старый пастух, увидев, как воин помогает маленькой девочке перешагнуть через глубокую колею, молча протянул им краюху чёрного хлеба и кивнул в сторону родника, скрытого за невысоким холмом. Василиса долго смотрела на этот хлеб, будто не верила, что кто-то может просто так отдать им еду, а потом подняла глаза на спутника и тихо спросила:

— Он хороший?

— Хороший, — кивнул Кир. — Просто он знает, каково это — идти долго и почти без сил.

И они шли дальше — через степи, через перевалы, через броды, где ледяная вода доходила Василисе до пояса и заставляла её стискивать зубы, чтобы не закричать от холода. Мужчина нёс её на руках, крепко прижимая к себе, и шептал:

— Ещё немного. Держись.

Река, к которой они так долго стремились, оказалась широкой и своенравной. Её вода была тёмной, почти чёрной, и неслась с такой силой, что даже лошади, привыкшие к бродам, замирали на берегу, прядая ушами. У переправы всегда толпились люди — крестьяне с телегами, купцы с охраной, паломники в пыльных одеждах. Все ждали своей очереди, переговаривались, спорили, кто следующий, и воздух здесь был густым от запахов — мокрой шерсти, лошадиного пота, смолы, пыли и чего-то ещё, неуловимого, что бывает только у больших дорог и больших рек.

Когда наконец подошла их очередь, Кир крепко взял Василису за руку и повёл её в воду. Течение толкало в колени, пытались сбить с ног, но тот стоял твёрдо, как скала, и малютка, глядя на него, тоже старалась не дрожать. Вода ревела вокруг, брызги летели в лицо, смешиваясь с каплями пота и слёз, но когда они наконец выбрались на другой берег, Василиса вдруг рассмеялась — коротко, нервно, но искренне. Это был смех облегчения, смех победы над чем-то большим и страшным.

— Видишь? — улыбнулся воин, выжимая воду из плаща. — Мы справились.

За рекой местность начала меняться: холмы становились ниже, земля — ровнее, а воздух — влажнее. Он больше не пах пылью и сухой травой, в нём появилась солоноватая свежесть, будто сама земля здесь была пропитана чем-то бескрайним и древним. С каждым шагом этот запах усиливался, становился гуще, настойчивее, и девчушка вдруг остановилась, втянула воздух носом и удивлённо посмотрела на спутника.

— Ты чувствуешь? — прошептала она. — Как будто... как будто пахнет ветром. Только не обычным, а огромным.

Ратник улыбнулся, кивнул и тихо сказал:

— Да. Это оно.

Они поднялись на невысокий холм — и перед ребенком распахнулся мир, какого она никогда прежде не видела.

До самого горизонта лежало море. Она и слова такого толком не знала — слышала где-то в чьих-то рассказах, но не могла представить, что оно окажется таким. Оно не было спокойным: волны катились одна за другой, вздымались, разбивались о берег белой пеной и снова уходили, чтобы вернуться с новой силой. Цвет воды менялся каждую минуту — то свинцово-серый, то пронзительно-синий, то почти чёрный, когда по поверхности пробежала тень от облака. Ветер нёс солёные брызги, они оседали на коже, на волосах, на потрёпанном платье девочки, и это было так непохоже на всё, что она знала раньше.

Малютка замерла, будто ноги приросли к земле. Глаза её стали огромными, в них отражались и небо, и пенные гребни, и весь этот новый, ошеломляющий простор. Она медленно подняла руку, будто хотела потрогать горизонт, и выдохнула едва слышно:

— Мама никогда не рассказывала, что бывает так...

Она впервые в жизни видела море — и оно оказалось больше, чем любой страх, больше, чем любая беда. Оно было таким огромным, что горе, сидевшее у неё внутри, вдруг словно потерялось в этом просторе, растворилось в шуме волн, в криках чаек, в бесконечном движении воды.

— Оно такое большое... — прошептала Василиса, и голос её дрогнул не от страха, а от изумления. — Оно всё время движется...

Кир встал рядом, не торопясь, не перебивая, давая ей время увидеть, впитать, поверить. Он знал: бывают вещи, которые нельзя объяснить словами — их нужно просто увидеть собственными глазами.

— Да, — тихо сказал он. — Оно никогда не стоит на месте. И в этом его сила.

Девочка сделала осторожный шаг вперёд, потом ещё один, будто боялась спугнуть это чудо. Она наклонилась, подняла с земли мелкую ракушку, повертела в пальцах, разглядывая её, как драгоценность, и вдруг тихо рассмеялась — на этот раз не от облегчения, а от восторга.

— Она как маленькая лодочка, — прошептала она, сжимая ракушку в ладони. — Только ей не страшно плыть.

Ветер трепал её волосы, шевелил потрёпанный подол платья, играл с нитками на тряпичной кукле, которую она всё ещё прижимала к себе. Но теперь в этом ветре не было угрозы — только обещание чего-то нового.

Солнце клонилось к закату, и море меняло краски: из серого становилось золотым, потом медным, потом тёмно-фиолетовым, будто собирало в себе весь свет уходящего дня. Девчушка смотрела на это, не моргая, боясь пропустить хоть мгновение.

Когда свет стал мягче, а шум моря чуть тише, девочка наконец повернулась к Киру. В её глазах уже не было того застывшего ужаса, который жил там после пожара. В них теперь отражался простор — и робкая, но настоящая надежда.

— Пойдём, — тихо сказала она. — Я хочу подойти ближе. Хочу услышать, как волны шепчут.

Кир кивнул, чуть улыбнулся — устало, но тепло — и протянул ей руку.

— Пойдём, — сказал он. — И ты услышишь. Море умеет рассказывать истории. Иногда — очень добрые.

И они пошли вниз по склону — туда, где берег встречался с водой, где песок был мокрым и плотным, а впереди лежала дорога, которая теперь пахла не пылью и дымом, а солью, ветром и чем-то совершенно новым — тем, что обещало: впереди ещё будет хорошее.

Они спустились по склону, и мокрый песок тут же прилип к босым ногам Василисы — она давно сбросила изношенные башмачки, чтобы идти было легче. Волна подкатила, коснулась пальцев, холодная и живая, и девочка отпрыгнула, а потом снова шагнула вперёд — уже смелее.

— Оно щекочется! — рассмеялась она, и этот смех, звонкий, будто колокольчик, прозвучал над шумом прибоя особенно ясно.

Уставший ратник присел на корточки, подобрал плоскую гальку и, размахнувшись, пустил её по воде. Камешек прыгнул раз, другой, третий — и скрылся в пене. Василиса смотрела во все глаза.

— Научишь? — выдохнула она.

Воин улыбнулся, протянул ей камешек:

— Держи. Смотри: не сжимай сильно, бросай почти параллельно воде, будто хочешь погладить волну.

Девушка старательно повторила его движение. Камешек плюхнулся и ушёл ко дну. Она на секунду пригорюнилась, но тут же вскинула голову:

— Ещё! Я ещё попробую!

И они бросали камешки, пока солнце не село совсем, пока небо не стало тёмно-синим, усыпанным первыми звёздами, а море не превратилось в чёрное зеркало, в котором дрожали эти звёзды, словно крошечные огоньки надежды.

Когда пальцы у ребенка замёрзли, а плечи начали подрагивать от вечернего ветра, Кир снял с себя плащ и укутал её.

— Пойдём поищем место для ночлега, — тихо сказал он, оглядываясь по сторонам.

Вдоль берега тянулась невысокая гряда камней, за которой ветер дул не так сильно. Мужчина развёл там небольшой костёр из выброшенных морем сухих веток — дерево пахло солью

и смолой, горело ровно, не давая лишнего дыма. Василиса села поближе к огню, прижала к себе тряпичную куклу и ракушку, которую всё ещё берегла, и смотрела, как пляшут искры.

— А море ночью тоже движется? — спросила она, когда тишина стала совсем густой, только волны шептали что-то своё у кромки песка.

— Да, — кивнул собеседник подбрасывая в огонь ещё одну ветку. — Оно никогда не спит. Но сейчас оно спокойное. Смотри: волны стали тише, будто укладываются спать.

Девчушка помолчала, потом тихо спросила:

— Кир... а ты думаешь, мама сейчас видит это море?

Воин замер на мгновение, будто слова ударили его в самое сердце. Потом медленно кивнул:

— Думаю, да. Она хотела, чтобы ты жила, чтобы видела всё самое красивое, что есть в мире. И вот ты видишь море. Значит, она всё сделала правильно.

Девочка опустила голову, провела пальцем по швам своей куклы, потом подняла глаза:

— Я буду помнить её. И я буду стараться не бояться.

— Это самое важное, — тихо ответил спутник. — Помнить и не сдаваться.

Он достал из мешка краюху хлеба — ту самую, что дал им пастух, — разломил пополам и протянул половину Василисе. Она взяла осторожно, как драгоценность, откусила маленький кусочек и вдруг улыбнулась:

— Вкусно. Даже вкуснее, чем раньше. Наверное, потому что мы его заслужили.

Кир усмехнулся, но в глазах у него блеснуло что-то тёплое, почти светлое:

— Ты мудрая не по годам, дитя.

Они посидели ещё немного, слушая, как море дышит — глубоко, размеренно, будто огромный зверь, который не опасен, а просто велик. Потом Василиса зевнула, уткнулась носом в плащ Кира и почти сразу уснула. Воин подождал, пока её дыхание станет ровным, потом осторожно поправил край плаща, положил руку на рукоять меча и сел так, чтобы видеть и спящую девочку, и тёмную полосу воды, и тропу, уходящую вдоль берега.

Ночь была длинной, но теперь в ней было не только одиночество и страх. В ней был тихий смех ребёнка, запах соли и ветра, тёплый бок спящей девочки и чувство, что путь, каким бы тяжёлым он ни был, всё-таки ведёт туда, где их ждут.

Утро пришло тихо, почти незаметно — будто само море решило не будить их резко, а дать ещё несколько мгновений покоя. Василиса проснулась первой. Она лежала, прижавшись к тёплому боку Кира, и слушала, как волны всё так же ровно дышат — не торопясь, не злясь, просто живут. Девочка осторожно приподнялась на локте, стараясь не потревожить воина. Его лицо во сне казалось моложе, будто усталость на время отступила, а шрамы и копоть не так бросались в глаза.

Над водой висела тонкая пелена тумана, похожая на прозрачную вуаль. Он стелился по волнам, цеплялся за камни, прятал дальний берег, и от этого мир казался меньше и уютнее — как будто здесь, за этой грядой камней, можно было спрятаться от всех бед. Василиса тихонько выбралась из-под плаща, села на песок и подтянула к себе колени. В ладонях она всё ещё сжимала ракушку и тряпичную куклу — две её главные ценности.

Она посмотрела на море. Теперь оно не казалось таким страшным, как вчера. Наоборот, в нём было что-то родное, будто оно уже узнало её и приняло. Девочка протянула руку и коснулась воды кончиками пальцев. Та была холодной, но не злой — просто честной: вот я какая, не притворяюсь тёплой. Василиса улыбнулась.

— Не убегай далеко, — раздался сонный, но твёрдый мужской голос.

Василиса обернулась. Воин уже не спал. Он сидел, опершись на локоть, и смотрел на неё внимательно, но без строгости.

— Я и не собиралась, — тихо ответила девочка. — Просто хотела ещё раз потрогать море. Оно... другое.

Спутник кивнул, потянулся, зевнул, потом сел и стал застёгивать ремни доспехов.

— Другое, — согласился он. — Море никого не жалеет и никого не обижает. Оно просто есть. И с ним надо считаться.

Он поднялся, подошёл к воде, зачерпнул ладонью и умылся. Капли стекали по его лицу, смывая копоть, и на миг он стал похож на того озорного мальчишку, о котором рассказывал спутнице, — на того, кто бегал по тропам у стольного града и не знал ни войны, ни пожаров.

— Сегодня нам надо идти дальше, — сказал он, вытирая лицо рукавом. — До Царь-града ещё не близко, а дорога вдоль берега не всегда добрая. Иногда шторм гонит воду так высоко, что песчаная тропа исчезает и приходится обходить через скалы.

Василиса кивнула, крепко прижимая к себе куклу.

— А можно... можно я возьму ещё одну ракушку? Для мамы. Чтобы она знала, что я видела море... и что мне не так страшно.

Кир замер на мгновение. Потом медленно кивнул.

— Можно. И мы найдём самую красивую. Ту, в которой будет слышно, как поёт волна.

Они собрали нехитрые пожитки: потушили дотлевающие угли костра, завернули остатки хлеба в чистую тряпицу, которую мужчина хранил в мешке на всякий случай. Потом пошли вдоль берега, ступая по мокрому песку, где каждый шаг оставлял след, а волна тут же пыталась его стереть — будто хотела поиграть.

Вскоре тропа начала уходить вверх, к невысоким скалам. Здесь идти было труднее: камни были скользкими от брызг, а ветер дул сильнее, пытаясь сбить с ног. Девчушка шла, крепко держа ратника за палец — не за всю ладонь, а именно за один палец, как будто хотела показать, что она уже большая, но ещё немножко нуждается в опоре.

Вдруг спутник резко остановился и поднял руку, приказывая молчать. Василиса замерла, даже дышать стала тише.

Из-за выступа скалы доносились голоса. Но теперь в них не было хриплой угрозы, а слышалась деловитая строгость — так говорят люди, привыкшие к службе и порядку. Только вот говорили они не на привычной девочке речи, а на каком-то чужом, резком языке: слова звучали отрывисто, будто высеченные из камня, и от этой незнакомой речи у Василисы по спине побежали мурашки.

— Это патруль, — тихо прошептал спутник, отводя ребёнка за большой камень. — Стой здесь. Ни звука. Я сам с ними поговорю.

Сердце девчушки забилося так громко, что ей казалось — его слышат даже за скалой. Она прижала к груди куклу и ракушку, зажмурилась, но тут же распахнула глаза: нельзя прятаться от беды, если рядом тот, кто её защищает.

Кир вышел из-за камня, держа руки на виду — так, чтобы было видно: он не прячется и не замышляет дурного. На поясе у него по-прежнему висел меч, но рукоять он не сжимал, а пальцы держал расслабленно.

Из-за скалы показались трое воинов в одинаковых кожаных нагрудниках с тиснёным гербом — широкие ремни, тяжёлые сапоги, на плечах — плащи с капюшонами, потемневшими от солёных брызг. Впереди шёл старший — с седой прядью в волосах и спокойным, внимательным взглядом. В руках у патрульных не было поднятого оружия, но они держались собранно, готовые в любой миг схватиться за мечи.

Старший патрульный чуть прищурился, разглядывая незнакомца, и произнёс фразу на том же чужом языке — строго, без лишних интонаций, будто зачитывал устав.

Василиса, прижавшись к холодному камню, напряжённо вслушивалась, но ни слова не поняла: язык был ей совершенно незнаком. От этого непонятные слова казались ещё более пугающими, будто в них таилась какая-то скрытая сила, способная одним звуком решить её судьбу. Она крепче сжала куклу и ракушку, будто эти вещи могли удержать рядом хоть каплю привычного мира.

Собеседник не стал торопиться с ответом. Он поклонился коротко, уважительно, но без раболепия, достал из-под плаща серебряный жетон с гравировкой — знак принадлежности к Ордену. Потом спокойно ответил патрульному на том же языке — ровно, уверенно, без лишней спешки.

Стражники тут же вытянулись по стойке смирно, в глазах промелькнуло некое подобие страха и уважения. Старший патрульный снова заговорил на этом резком, металлическом языке — быстро, чётко, с едва уловимыми интонациями почтительности, смешанной с тревогой.

Разговор длился недолго — несколько фраз туда, несколько обратно, и в какой-то момент старший патрульный чуть заметно кивнул, словно принимая не приказ, а правоту собеседника. Потом он на мгновение прикрыл глаза, будто прогоняя перед внутренним взором картины, которые ему доводилось видеть на службе, и снова посмотрел на Кира уже не как на проверяющего, а как на равного.

Наконец Кир вернулся к обычной речи:

— Они идут до сторожевого поста у мыса, — тихо сказал он перепуганной малышке, опускаясь на корточки, чтобы оказаться с ней на одном уровне. — Предложили идти вместе. У них есть сухие дрова, мясо, а на посту дежурит лекарь... Он, говорят, детей любит.

Девочка медленно кивнула, всё ещё не сводя глаз с патрульных, будто боялась, что, стоит моргнуть, — и они обернутся теми страшными тенями, что мерещились ей в дыму пожара.

— А... они добрые? — еле слышно прошептала она.

Мужчина чуть улыбнулся — так, что это было заметно только в уголках глаз.

— Добрые настолько, насколько могут быть добрыми воины на опасной земле. Они знают эти тропы, знают, где камень шатается, а где вода подступает. С ними идти будет безопаснее.

Он снова повернулся к патрульным и что-то коротко бросил на их языке. Старший кивнул и махнул рукой своим людям: те расступились, образуя живой коридор, чтобы пропустить Кира и девочку.

Один из младших патрульных, тот самый, что смотрел чуть мягче остальных, наклонился к Василисе и, хотя она не понимала слов, произнёс их так, что в них слышалось обещание: никто её не обидит. Он даже слегка улыбнулся, показав ямочку на щеке, и девочка невольно подумала, что даже у суровых воинов бывают добрые лица.

Кир протянул ей руку.

— Держись рядом, — сказал он тихо. — И не бойся, мы в безопасности, но смотри под ноги, путь вдоль берега коварен.

Они двинулись дальше — теперь не вдвоём, а впятером. Патрульные шли впереди и по бокам, чутко прислушиваясь к каждому шороху, а Кир держался рядом с малышкой, не отставая ни на шаг. Девочка старалась шагать в такт с ними, чтобы не казаться лишней, и время от времени украдкой поглядывала на чужестранцев: на их ремни, на тяжёлые сапоги, на плащи, потемневшие от брызг и ветра. Ей казалось, что эти люди похожи на скалы — такие же надёжные, такие же молчаливые, и всё же в них чувствовалось что-то живое: то один чуть улыбнётся, то другой кивнёт ей, будто говоря: «Ты с нами. Ты в порядке».

Тропа становилась всё круче. Скалы нависали над головой, отбрасывая длинные тени, а ветер теперь не просто дул — он свистел, пробиваясь сквозь узкие щели между камнями, и нёс с собой запах соли, водорослей и чего-то дикого, морского, что раньше Василиса не знала. Она крепче прижала к себе куклу и ракушку, но страха уже не было — только напряжённое любопытство, будто мир наконец начал шептать ей свои тайны.

Вдруг старший резко поднял руку. Все замерли. Даже ветер будто притих на мгновение.

— Шторм, — коротко бросил он, вглядываясь в горизонт. — Идёт со стороны моря. Ещё несколько часов — и волна начнёт бить в скалы. Если не успеем до мыса, придётся искать укрытие в расщелине.

Кир нахмурился, быстро прикинул расстояние до сторожевого поста, потом посмотрел на девочку. Её щёки покраснелись от ветра, волосы растрепались, но в глазах была решимость.

— Сколько у нас времени? — спросил он у стражника.

— Не больше двух часов, — тот кивнул на небо, где серые тучи уже затягивали солнце, делая день похожим на сумерки. — И ветер крепчает.

Василиса сглотнула, но не отступила.

— Я смогу идти быстрее, — твёрдо сказала она, будто сама удивляясь своей смелости. — Я не буду отставать.

Младший страж, тот, что улыбался, наклонился к ней:

— Ты молодец, — тихо произнёс он, и голос его звучал не как у грозного воина, а как у старшего брата. — Но если станет тяжело, скажи. Мы можем нести тебя по очереди. У нас крепкие плечи.

Девочка на секунду задумалась, потом покачала головой:

— Лучше я пойду сама. Но... спасибо, что предложили.

И они пошли быстрее. Тропа петляла между скал, то ныряя вниз, к самой кромке воды, где волны уже хватали за сапоги и швыряли брызги в лицо, то взбираясь вверх, где приходилось цепляться за выступы и помогать друг другу. Патрульные двигались слаженно, как единый механизм, а Кир шёл рядом с Василисой, готовый в любой миг подхватить её, если камень выскользнет из-под ноги.

Когда тропа снова спустилась к воде, волна ударила сильнее, чем раньше. Холодная вода окатила ноги, и девочка вздрогнула, но тут же расправила плечи:

— Ничего. Я в порядке.

Старый воин бросил назад короткий взгляд:

— Ещё немного. За следующим выступом будет расщелина. Там можно переждать, если шторм накроет раньше.

Но не успели они дойти до выступа, как небо потемнело окончательно, а ветер взвыл, словно живой зверь. Волны теперь не просто лизали берег — они яростно бросались на скалы, разбивались о камни и отступали, чтобы снова ударить с новой силой.

— Быстрее! — крикнул старший, и все рванули вперёд.

Василиса бежала, спотыкаясь о камни, но не падала. Спутник подхватил её на руки, прикрывая от ветра и брызг своим плащом, и рванул вперёд, не отставая от патрульных. Тропа петляла между скал, то ныряя вниз, к самой кромке воды, то взбираясь вверх, где приходилось цепляться за выступы и помогать друг другу.

— Ещё немного! — крикнул кто-то, перекрывая вой ветра. — За тем выступом уже видна застава!

И правда — за следующим изгибом скалы проступила низкая каменная стена, потемневшая от солёных брызг, а над ней — сторожевая башня. У ворот стояли двое часовых: заметив приближающуюся группу, они замахали руками, подзывая к себе.

— Сюда! Быстрее! — донёсся сквозь шум ветра их крик.

Они вбежали в ворота как раз в тот миг, когда первая огромная волна ударила в прибрежные скалы с оглушительным рёвом, обдав берег стеной ледяной воды. Тяжёлые деревянные створки тут же захлопнулись за их спинами, отрезав яростный рёв шторма. На мгновение стало почти тихо — лишь ветер всё ещё гудел где-то над стенами, да капли дождя барабанили по камню.

Внутри заставы царила деловитая суета. Несколько воинов торопливо закрепляли верёвки, подтягивали навесы, чтобы те не сорвало ветром, другие проверяли крепления ворот. Кто-то сразу подошёл к прибывшим, забрал у Кира промокшую девочку, укутал в грубое, но сухое одеяло.

— Отведите их к костру, — скомандовал старый страж, стягивая мокрый капюшон. — И принесите горячего отвара. Малышке нужно согреться.

Ребенка усадили у большого очага, сложенного из тёмных камней. Пламя здесь горело уверенно, жадно пожирая сухие поленья, и тепло сразу начало пробираться под мокрую одежду, возвращая ощущение жизни. Девчушка прижала к себе куклу и ракушку — теперь они казались ей не просто вещами, а свидетелями всего пути, который она прошла...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.